

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ ОЙРОТИИ

Опубликовано: Советская этнография. – 1932. - №5-6. – С.55-87

Ойротская автономная область — живой исторический пример осуществления на практике ленинской теории — некапиталистического пути развития. Нынешний юбилейный год — пятнадцатый год Октябрьской революции — является юбилейным для Ойротии в двойном смысле. В этом году исполнилось десять лет со дня образования Ойротской автономной области (образована 1 VI 1922 г.). За десятилетие Ойротия сделала гигантский скачок в хозяйственном и политическом развитии. Еще недавние феодальные и колониальные рабы, трудящиеся Ойротии, ныне, при помощи пролетариата Советского Союза и под непосредственным руководством его авангарда — коммунистической партии, успешно осуществляют строительство социализма в Алтайских горах. Достаточно сказать, что к юбилейному дню десятилетия Ойротия имела 50% бедняцко-средняцких хозяйств, объединенных в колхозы, и превращается ныне в область сплошной грамотности (до Октября грамотных ойротов было около 6%). От первобытных „абыла" и „андазына" (мотыги и примитивной сохи, привязываемой к седлу верховой лошади) ойроты перешли к плугу и трактору, от свивания сена в жгуты и подвешивания на деревья — к силосованию, к концентрированным кормам, от векового отстаивания сливок в „казанах" (чугунных чашеобразных котлах) к сепаратору, от „табыша" (способ устной передачи новостей и известий) к телефону, к телеграфу, к радио и т. д. Всякий, кто пожелает подробнее узнать об успехах трудящихся ойротов на фронте социалистического строительства, может заглянуть в специальный сборник, выпущенный к десятилетнему юбилею¹.

Задачи же моей статьи показать, чем была Ойротия перед Октябрьской революцией, определить ступень общественного развития ойротов перед Октябрем и дать хотя бы краткий анализ производственных отношений, определить основную тенденцию в развитии этих отношений. Я хочу показать, в каком направлении шел процесс исторического развития в Ойротии, что ожидало ойротов в будущем. На таком историческом фоне еще более правдиво и еще более убедительно выступит огромное значение пути развития, проделываемого Ойротией, для стран, находящихся под гнетом капитализма, судьба которых чрезвычайно сходна с дореволюционной участью Ойротии.

Такая попытка в научной литературе об Ойротии делается впервые². В литературе, относящейся к послереволюционному периоду, вопрос о ступени общественного развития у ойротов обходится молчанием, хотя никто не будет отрицать сугубой актуальности этого вопроса. В дореволюционной литературе принято было много писать о „дикости", о „первобытности" алтайцев, но сколь-либо специального и серьезного изучения общественного строя алтайцев (под таким названием известны ойроты в научной литературе) сделано не было. Анализ исторического процесса заменялся категорическим утверждением, что ойроты жили „родовым строем", „родовым бытом". Наиболее крупные исследователи, утверждавшие о существовании у алтайцев родового строя — Радлов, Ядринцев, Вербицкий, Швецов³ и др., не обладая подлинно научным критерием для определения общественного строя, по существу выдавали за „родовой строй" его пережитки, сохранившиеся особенно в семейном быту, религиозных воззрениях, родовых названиях и т.

¹ Десять лет Ойротии. Политико-экономический сборник, под редакцией Чучкалова. Улала. 1932.

² Более глубоко и специально это будет сделано мною совместно с П.Я. Гордиенко [секретарем Ойротского обкома ВКП(б)] в книге по истории ойротов, охватывающей развитие исторического процесса в Ойротии с момента перехода ойротов в русское подданство до наших дней включительно. К работе над этой книгой мы уже приступили по поручению Ойротского обкома ВКП(б).

³ W. Radloff. Aus Sibirien. B. I. Zweite Ausgabe. Leipzig. 1893. — Ядринцев. Сибирские инородцы. СПб. 1881. — Вербицкий. Алтайские инородцы. Москва. 1893. — Швецов. Горный Алтай и его население, т. I. Кочевники Бийского уезда. Барнаул. 1900.

д. Между прочим, этот псевдо-научный взгляд усвоен из старой литературы и некоторыми партийными работниками Ойротии, объяснявшими, например, успехи коллективизации тем, что до революции ойроты жили „родовым строем" и имеют „навыки" к коллективному труду и быту. Теория родового строя особенно „приятна" и сердцу правоуклонистов, которые иногда не прочь алтайского бая-кулака признать за члена первобытно-коммунистической общины. Тем не менее, с теорией „родового строя" у алтайцев нужно решительно расстаться, как с теорией, искажающей действительность и политически вредной. Ведь мы знаем, что „величие родового строя, но вместе с тем и его ограниченность проявляется в том факте, что здесь нет места для господства и „угнетения", нет „места для расслоения племени или рода на различные классы", что хозяйство при родовом строе „ведется на коммунистических началах"⁴. Можем ли мы сказать, что все это имело место у алтайцев перед Октябрьской революцией? Последующее изложение покажет, что безусловно не можем. О каком же наступлении на кулачество можно говорить в Ойротии, если там и классов то не было. Не значит ли это, что партийное руководство в Ойротии сражается „с ветряными мельницами". Не пустить ли тогда кулаков типа Аргымая Кульджинова, о котором пойдет речь впереди, в колхоз? Вот куда неизбежно должна привести теория родового строя у алтайцев. Предполагая осветить более ранние периоды истории ойротов в специальной работе, я приступаю к выполнению своей задачи с того исторического момента, когда в России пала крепостная система, что безусловно не могло не отразиться на Ойротии, история которой тесно связана с историей России.

I

К 60-м годам прошлого столетия у алтайцев еще господствовало натуральное хозяйство. Базой для основного способа производства было экстенсивное, полукочевое скотоводство и лесные промыслы (зверовой и сбор кедрового ореха). Скотоводство алтайцев отличалось весьма отсталой техникой. Алтайцы разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз и сарлыков (як). Уход за скотом был крайне примитивным. Круглый год скот пасся на подножном корму, ночуя под открытым небом. Заготовка сена практиковалась редко и в небольших размерах. Местами траву косили горбушами (garbь calkь) сушили, свивали в жгуты (tolgok), развешивали их на деревья и зимой подпускали к ним скот. Такой способ хозяйствования постоянно ставил хозяйство скотовода под угрозу всяких стихийных бедствий вроде эпизоотии, весенней или осенней гололедицы и т.п. и создавал неустойчивость хозяйства. Стихийные бедствия разоряли десятки и сотни скотоводов.

Техника зверового и кедрового промыслов там же отличалась примитивностью. Тяжелое фитильное или кремневое ружье, деревянный самострел и мелкие ловушки спускового устройства, загороди и ямы были основными орудиями производства этого промысла. Такой же отсталой техникой отличалось и земледелие, которое к тому же развито было крайне слабо. По данным 1897 г. 51,5% алтайских хозяйств совершенно не имели посевов, а 29,6% хозяйств имели посевы (преимущественно ячменя) до 1 десятины⁵. Поле вспахивалось или мотыгой (aby) или первобытной сохой (andazьn или aldazьn), привязанной к седлу верховой лошади, и заборанивалось ветвями сухого дерева. Вместо жатвы колосья выдергивали с корнем, связывали в пучки, развешивали на жерди сушиться и затем, вместо молотьбы, колосья обжигали на костре или же молотили толстой короткой палкой (tokpok). В кочевых, горно-степных районах посевы производили лишь зайсаны и богатые люди, пользуясь для этого трудом своих подданных бедняков. Домашняя промышленность еще не вышла из стадии первоначального развития. Некоторые ремесла еще только начинали выделяться в самостоятельные отрасли хозяйства, подчиненные все же скотоводству или зверовому промыслу. Наибольшим развитием из них отличалась выделка кошмы и кожи в

---

⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Москва. 1932.

⁵ Швецов. Горный Алтай и его население, т. II. Экономические таблицы. Барнаул, 1901 г.

скотоводческих районах и кузнечных изделий в лесных районах, где были известны и приемы добывания железа из руды. Однако, под влиянием завоза русских железных изделий, кузнечное ремесло стало приходить в упадок. Земли, на которых кочевали алтайцы, при переходе в русское подданство были присвоены „Кабинетом его величества" в частную собственность императора. Первым документом, где говорится о принадлежности горного Алтая к ведомству Кабинета, является указ от 22 VII 1822 г. о преобразовании сибирских губерний. В этот же год и день император санкционировал и первый писанный закон „Положение об инородцах", автором которого был Сперанский. В законе Сперанского определялись права сибирских инородцев (в том числе и алтайцев) на землю. Статья 28 гласила: „Утверждаются во владении кочующих земли, ныне ими обитаемые, с тем, чтобы окружность каждым племенем владеемая, была по распоряжению местного начальства подробно определена" (по изданию 1822 г.; в издание 1892 г. эта статья не вошла). На основании цитированного закона, за алтайцами подтверждалось право владения на земли, ими занимаемые, однако о праве собственности на эти земли очевидно умышленно не говорится. Из того, что установление границ для кочевников возлагалось на усмотрение местного начальства, видно, что собственниками занимаемых земель алтайцы считаться не могут. Однако самовольное заселение земель, занятых алтайцами, по этому закону русским воспрещалось. Русским разрешалось брать земли „инородцев" в оброчное содержание с согласия и по договору с обществами (ст. 32). Таким образом, по смыслу этого закона можно считать, что за алтайцами утверждалось преимущественное перед русскими право владения на земли, границы которых предстояло определить местному начальству. Границы эти были установлены лишь на бумаге, и земли алтайцев с 60-х годов начинают усиленно заселяться русскими. В это время развивает колонизационную деятельность Алтайская духовная миссия (основана в 1828 г.). Возникают монастыри. Их организация сопровождается захватами лучших земель у алтайцев. В 1863 г. утверждается „Высочайше" отвод земли, около 7000 десятин, в безоброчное пользование организуемому Улалинскому монастырю. По инициативе купца Малькова в 1862 г. возбуждается ходатайство об уступке под монастырь „пустолежащих земель близ Телецкого озера". Эти „пустолежащие", точнее же „плохолежащие", земли были отведены под просимый Мальковым Чулышманский монастырь, который Мальков хотел использовать для торговых целей⁶. „Из имеющегося в чертежной управления Алтайского округа плана усматривается, что участок под монастырь отведен на р. Чулышмане в 36 верстах от устья... Площадь его равняется 3858 десятин 576 кв. саж., из коих удобной земли 3000 десятин 214 кв. саж."⁷ Монастырь получил лучшие и единственно плодородные во всей системе р. Чулышмана земли, как „пустолежащие". „Пустоту" этих земель можно опровергнуть документальными данными — свидетельствами путешественников, указывающих на плотную заселенность чулышманской долины алтайцами⁸. Стало быть землю Чулышманский монастырь приобрел захватным путем. Захватив всю долину Чулышмана, а также Башкауса, монастырь поставил перед живущими здесь алтайцами альтернативу: или убираться из долины, или платить аренду за землю, которая „принадлежит" теперь монастырю. Алтайцы вынуждены были принять арендные условия монастыря, так как выселиться из Чулышманской долины можно ближе всего в долину р. Чуй (дорога на Чую около 100 верст верховыми тропами), которая помимо того, что заселена, известна бедностью пастбищ и удобных земель. С этого времени монастырь построил свое благополучие на арендной плате, приспособив последнюю к местным условиям. Так, за право поставить юрту в указанных долинах алтаец должен был платить 1

⁶ Об организации монастыря см. сборник сведений о православн. миссиях, кн. II, Москва, 1872, стр. 347 и дальше. Также отчет Алт. дух. миссии за 1911 г., Томск, 1912, стр. 31—48.

⁷ Архивное дело управления Алт. округа, № 1352; см. рукопись Гуляева и Семьянова об алтайских „инородцах".

⁸ Bungal A. Reise im ostlichen Theil des Altaigebirges, S. 151—161. См. у Ledebour'a. Reisedurch das Altaigebirge und die songorische Kirgisiensteppe. Th. 2. Berlin. 1830.—Helmersen. Reisenach dem Altai. Beitr. zur kennt. d. Rus. Reiches etc. Bd. XIV, 1848, S. 77—77.—Radloff. Aus Sibirien, S. 97—98.

руб. в год, за право посеять ячмень — 1 руб. с пуда засеянного ячменя, за пастьбу скота: крупного — 20 коп. с головы, мелкого—5 коп.; за копну накошенного сена — 10 коп. или половину покосенного отдать монастырю; за право пользования лесом — 1 руб. в год. Если алтаец занимался хлебопашеством, он платил монастырю 1/10 часть урожая под видом „руги". Монастырь этот и по внешнему виду напоминал помещичью усадьбу. Вначале монастырь жил исключительно земельной рентой, однако в первом десятилетии нашего века монастырь засеивал около 40 десятин искусственно орошенной пашни, обрабатываемой с.-х. машинами, имел маслодельный завод, мельницу, берущую с населения за помол по 5 коп. с пуда, пасеку и т.п. Все же земельная рента продолжала быть главным источником существования монастыря. По существу монастырь являлся сначала помещичьей, потом капиталистической организацией, интенсивно эксплуатирующей алтайцев. В 1909 г. из 30 человек, составляющих население монастыря, „братии" было только 5 человек, остальные же были работники и прислуга. Кроме организации монастырем миссия производила устройство оседлых поселений среди кочующих алтайцев. В эти селения миссионеры приглашали жить русских крестьян (обязательно православных) и крестившихся алтайцев, причем миссионерский деревянный восьмиконечный крест был не только символом, но и средством колонизации. Там, где устанавливали миссионеры такой крест, алтайцам запрещалось на 5 верст по радиусу от этого места производить шаманские моления. Естественно, это вызывало уход населения глубже и выше в горы. Возникнувшие среди кочевий миссионерские селения захватывали лучшие земли и оттесняли алтайцев. Чиновник Алтайского округа Н. Овчинников дает следующую характеристику русским колонистам миссионерских поселков: „Русское население современных миссионерских поселений далеко не представляет собой лучших элементов и, напротив, выделяет из своей среды разнообразные типы хищников, от которых прежде всего приходится терпеть новокрещенному алтайцу"⁹. „На практике миссионерские селения в их русской христианской части являются такими же очагами земельных захватов, хищничества и ненависти между русскими колонизаторами и кочевыми аборигенами, как и все другие русские поселения в районе кочевий"¹⁰. Колонизация Ойротии была одной из центральных задач духовной миссии. В отчете за 1915 г. указывается: „Цель миссии — сделать край русским, способствовать быстрейшему слиянию инородческого Алтая".

Начало плановой правительственной колонизации для горного Алтая относится к 1873 г., когда томский губернатор Супруненко, под влиянием многочисленных прошений крестьян о разрешении им селиться в долине р. Катунь поехал сам в Алтай посмотреть просимые под заселение земли и был „поражен роскошной растительностью в долинах речных систем Песчаной, Ануя и Семы". Губернатор немедленно же наметил к заселению русскими 26 пунктов по теперешнему Чуйскому и Уймонскому тракту. Эти пункты должны были сделать русских окончательными хозяевами края и связать г. Бийск с китайским г. Кобдо¹¹. Супруненко обратился с ходатайством к генерал-губернатору Западной Сибири и, ссылаясь на ст.ст. 1242 и 1243 т. IX законов, запрещающих русским селиться среди кочевий инородцев, высказал „оригинальное" соображение, что упомянутые статьи закона как бы имеют целью сохранение инородцев в первобытном состоянии, между тем „как надлежало бы стремиться к переводу их от кочевой к оседлой жизни и к развитию у них культуры с распространением между ними христианства". На основании этого Супруненко просил разрешить колонизацию намеченных им пунктов. Через ряд инстанций проект губернатора попал к министру двора, который, рассмотрев остроумное „обоснование" захватнической политики, распорядился выработать правила заселения стойбищ русским населением. Правила эти были выработаны, одобрены и введены сначала в виде „опыта" на 3 года в 1879 г. Однако, вскоре же они получили более длительный срок действия. Обойдя таким путем

⁹ К вопросу о поземельном устройстве в Алт. округе. Алт. сб., т. VIII, Барнаул, 1907, стр. 20.

¹⁰ Ibid., стр. 53.

¹¹ Отчет начальника Алт. округа Михайлова о поездке на Алтай в 1910 г. Барнаул, 1911.

„неудобства" закона, царские колонизаторы пробили брешь к „законному" захвату земель у алтайцев. Заселение Алтая с изданием правил 1879 г. пошло быстрее. Это встречало поддержку со стороны пограничного нашего начальства, заботившегося об укреплении границ.

В ответ на земельные притеснения алтайцы подавали жалобы русскому начальству. Особенно беспокоились по этому поводу алтайские „сиятельные" зайсаны и богачи скотоводы. В 1885 г. несколько алтайских зайсанов отправились в Петербург, чтобы подать жалобу царю, так как к тому времени алтайские кочевья окружала плотная стена русского населения численностью около 50 000 человек, активно наступавшего на земли алтайцев¹². Зайсаны были „обнадежены" Кабинетом, что положение их будет улучшено. На деле же оказалось, что царская политика меньше всего заботилась о положении алтайцев. В 1899 г. 31 мая издается новый закон, который обязывает к землеустройству как русское население горного Алтая, так и „инородцев, которые не принадлежат к числу бродячих". Стало быть алтайцы, как „кочевые", попадали под действие этого закона и должны были быть устроены в земельном отношении наравне с русскими, т.е. получить 18-десятинный надел. Такое „устройство" высвободило бы, по подсчетам Кабинета, площадь в несколько миллионов десятин, до этого занятых алтайцами. „Освободившиеся" земли Кабинет предполагал сдать в аренду переселенцам из России, что сулило миллионные доходы. Этот закон встретил сильное противодействие как со стороны алтайцев, так и либеральной областной и особенно народнической сибирской печати, ибо грабительская сущность его ничем не была прикрыта. В результате, на основании предусмотрительной оговорки в законе 1899 г., по которой действие этого закона могло быть приостановлено, если условия быта „инородцев" делали применение этого закона „преждевременным", появились „Правила 1904 г.", которые приостанавливали действие этого закона у алтайцев во избежание могущей произойти вследствие этого ломки быта. Однако „Правила 1904 г." действовали не долго. Революция 1905 года, крестьянские движения в России остро поставили вопрос „о крестьянской опасности" в России. Царское правительство пыталось смягчить назревшие противоречия аграрных отношений во внутренних губерниях России путем разгрузки этих губерний от крестьян, путем переселения в Сибирь. Поэтому после 1905 г. переселенческий вопрос приобретает особую актуальность. И Кабинет царя решил „уступить" казне свободные земли Алтайского округа, уступить, разумеется, не даром и не отказываясь от них совершенно.

Передавая земли под переселения, Кабинет оставлял за собой „права на недра означенных земель" (пункт 1 указа 1906 г.), на „земли и леса, отведенные или необходимые для отвода кабинетским и частным горнозаводским предприятиям" (пункт 3) и т. д. Пункт 7 гласит: „За передаваемые в казну переселенческие участки земли Алтайского округа государственное казначейство обязано уплачивать Кабинету вознаграждение в размере 22 копеек с десятины удобной земли ежегодно, в течение 49 лет". Кабинет оказался слишком заинтересованным в землеустройстве алтайцев, чтобы не поступиться какими-то „правилами" 1904 г., ограждающими алтайцев от ломки их быта. Предполагалось, что у алтайцев „законным" путем можно было отнять около 6 000 000 десятин. Если даже половина этой земли могла бы быть отнесена к категории „удобной", то это составило бы по крайней мере около 3 миллионов десятин, т. е. в переводе на деньги, приличную сумму ежегодного дохода. Разве мог Кабинет не предпочесть благополучие „диких кочевников" столь лакомому куску. Начальник Алтайского округа в 1907 г., ссылаясь на указ 1906 г., настаивал перед Томским губ. управлением на скорейшем проведении землеустройства у алтайцев, и, оперируя данными алтайской статистико-экономической и этнографической экспедиции С. Швецова (1897 г.), указывал, что алтайцы ведут оседлый образ жизни (это было направлено против правила 1904 г.), и поэтому могут быть устроены » по закону 1899 г. Общее присутствие Томского губ. управления соглашалось с начальником округа, что провести землеустройство у алтайцев было бы хорошо, но указывало, что если провести его

---

¹² Положение алтайских калмыков. Восточн. обозрение, 1887, № 38.

по закону 1899 г., то 80 % алтайцев пострадают от этого, ибо они находятся на очень низкой ступени развития и ведут кочевой образ жизни¹³. Смысл ответа был таков: „придумайте что-нибудь другое, так как Правила 1904 г. затрудняют проведение закона 1899 г.“

В 1908 г. Переселенческое управление организовало статистико-экономическую экспедицию на Алтай с целью выяснить, как можно устроить в земельном отношении алтайцев и сколько и каких земель можно получить после землеустройства. В этом же году от алтайцев выехала в Петербург депутация, чтобы оградить свои кочевья от грабежа, именуемого официально „землеустройством“. Депутация представляла 1-ю, 5-ю, 6-ю, 7-ю дючины и черневые волости алтайцев. Совещание при Кабинете вынесло успокаивающее для депутации решение, именно: 1) образование оброчных статей в горном Алтае будет приостановлено, 2) защита кочевий возлагается на местную губернскую администрацию. Наконец, в 1910 г. начальником Алтайского округа В.П. Михайловым была совершена поездка в горный Алтай по поручению управляющего Кабинетом. Михайлов должен был „ознакомиться с положением и жизнью горного Алтая на месте, высказать затем свои соображения и определенный взгляд на поставленные вопросы о землеустройстве инородцев, колонизации края и хозяйственного использования земель, лесов и недр, и наметить программу деятельности Кабинета его величества в горном Алтае“¹⁴. Другими словами, в целях развития арендного хозяйства Кабинета, Михайлову нужно было доказать: 1) что алтайцы ведут оседлый образ жизни, 2) что по условиям жизни они подходят под действие закона 1899 г. Михайлов эту задачу выполнил и представил специальный отчет управляющему Кабинетом.

Участь алтайцев была решена. С 1911 по 1913 г. они были в земельном отношении „устроены“. Царская земельная политика, проводимая среди алтайцев, несла им нищету и разорение, ибо при том способе хозяйства, какой вели алтайцы, необходимо было иметь много свободной земли, чтобы вести сносное существование. В основе же русской колонизации, миссионерской, или вольной, или правительственной, лежал земельный захват, наглое хищничество. Идеологическое обоснование этой политики давала православная церковь и великодержавная наука. Алтайская духовная миссия писала — „Алтайцы, племя малочисленное, едва вышедшее из первобытного состояния, не имеющее истории, кроме немногих красивых легенд, не может устоять в борьбе с русским народом“¹⁵. А известный исследователь турецких народов акад. В. Радлов, описывая в 70-х годах угнетение алтайцев русскими торговцами и отмечая обнищание алтайцев, заявлял по этому поводу печатно: „Здесь та же борьба за существование, как повсюду, где встречается цивилизованный человек и чистое дитя природы. Как в Северной Америке беднеют краснокожие, вымирают и погибают, так и в Сибири туземные племена. Сначала снижается их богатство и социальное положение; из князей делаются деревенские старшины, из богатых владельцев стад — грызущие коренья нищие. С ухудшением питания раса постепенно слабеет и, в конце концов, медленно умирает. Это может причинить боль филантропам и огорчить хорошего человека, когда он наблюдает насилие и несправедливость более сильной расы; но они соответствуют законам природы (Gesetzen der Natur), и откровенно нужно признаться: чудные долины Алтая слишком хороши для номадов, которые не умеют поднять богатство края“¹⁶. „Туземец погибает, потому что не в состоянии выдержать борьбу за существование, и это счастье, что он погибает, так как богатство края может поднять только его наследник, и на место разъединенного, замкнутого, непродовольственного татарского населения идет плотное, прогрессивное и с лучшим будущим экспансивное русское население“¹⁷. Циничное признание крупнейшего исследователя содержит в себе одновременно „научное“, биологическое обоснование колониальной политики Российской державы, служит

¹³ Отчет Михайлова, стр. 82—83.

¹⁴ Отчет Михайлова, см. предисловие.

¹⁵ Отчет алт. дух. миссии за 1915 г., стр. 59.

¹⁶ Aus Sibirien, Bd. I, S. 285 (Л.П.).

¹⁷ Ibid., S. 370-371.

оправданием этой политики и является „научным" прогнозом на будущее алтайцев, как расы, обреченной на вымирание неумолимыми „законами" природы.

Теперь о земельных отношениях среди самих алтайцев. Одним из главных условий производства у алтайцев являлось наличие больших запасов свободных земель в виде пастбищ для скота и лесов для промысла, так как только при этом условии алтаец, при описанном выше способе хозяйствования, мог вести безбедное существование. Юридически считалось, что промысловые угодья и так называемые „отгонные" пастбища (т.е. такие пастбища, обыкновенно отдаленные от селений, куда гнали табуны лошадей, быков, баранов на все лето — на откорм) находятся в „общем" пользовании всех алтайцев. Каждый алтаец мог промышлять в лесах Алтая, где угодно и сколько угодно, также и пасти свой скот на отгонных пастбищах. Но, это юридическая сторона дела. Фактически же лучшие и наиболее обширные пастбища Алтая были заняты захватным путем скотоводами богачами-баями, имеющими стада по несколько десятков тысяч голов, и русскими скупщиками, закупавшими гурты скота в Алтае и в Монголии и откармливающими их в течение лета в Алтайских горах. Алтайский бай — Аргымай Кульджинов, будучи зайсаном, имел стадо около 25 000 голов скота. Миссионеры сообщали, что у Аргыма было 26 заимок, разбросанных по Алтаю, где в зимнее время стояло на каждой заимке по 300 (в среднем) голов скота. Заимки Аргыма были огорожены. В городье он пас скот только зимой и весной, а летом его многотысячные табуны паслись на незагороженных местах, вытравляя лучшие пастбища. Часто бывает так, — писали миссионеры, — что в пору глубокой зимы и сильных морозов Аргымай получает хорошие деньги от приезжих томских или других купцов за сытых и видных своих быков, а в это время у соседей-бедняков бывает „кодуртки"¹⁸ — истощение скота, когда скот не может подняться сам и его подымают, чтобы он мог есть и не сдох бы с голоду. Захваченные и огороженные заимки Аргыма безусловно были неприкосновенны для других. Аргымай был не единственным алтайским баем, обеспечивавшим себя пастбищами путем захвата. Таков был и Кыйтык, который имел только одних лошадей 80 табунов и ежегодно продавал до 500 быков и до 600 коров раздавал бедноте „в доение". Так же поступали и Пашка, и Ярой, скот которых исчислялся от 15 до 25 тысяч голов, и многие другие. Приняв во внимание, что большинство скота алтайских баев и зиму и лето пребывало на подножном корму, мы можем составить приблизительное представление о размерах пастбищ, захваченных в пользование богачами. К этому добавим еще заимки купцов-скототорговцев, где купеческий скот пасется до поздней осени. У алтайцев пользование лучшими пастбищами было сосредоточено в руках баев и зайсанов, являвшихся фактическими распорядителями этих земель. Алтайские зайсаны на основании ст. 32 закона Сперанского сдавали земли алтайцев на правах аренды русским крестьянам. По закону полагалось выдавать разрешение на аренду в виде „приемных приговоров", выдаваемых „инородческими обществами" за особую плату, которая поступала в фонд общественных расходов. На деле же эти деньги присваивали зайсаны. Обычно переселенец „ставил" зайсану и „лучшим людям" угощение вином и давал зайсану взятку. После этого зайсан устраивал сход и добивался для просителя приемного приговора. Новый поселенец самовольно увеличивал площадь арендуемой земли, начинал теснить алтайцев, а иногда даже прекращал взнос арендной платы. Русское начальство закрепляло эту землю за поселенцами, на том основании, что у общества эта земля „лишняя". Как велико было „разбазаривание" земли зайсанами, показывают цифры 1908 г., когда согласно обследованию 61.8% земли было арендовано русскими крестьянами у зайсанов и 38.2% У Кабинета (экономические таблицы по обследованию Горного Алтая летом 1908 г.). Таким образом земельные притеснения алтайцев как со стороны русской колонизации, так и байско-зайсанской верхушки непосредственно ощущали на себе мелкие скотоводы и промышленники, середняки и бедняки, так как бай умели обеспечить себя пастбищами за счет стеснения своих же алтайцев. Я не имею возможности остановиться подробно на формах землепользования у алтайцев и затрону еще лишь вопрос о пользовании

¹⁸ „Көдүрткө" — значит поднимание.

промысловыми угодьями.

До 1896 г. промысловые угодья, преимущественно обширные кедровники находились в ведении алтайских зайсанов, которые вскоре после появления в Алтае русских колонистов добиваются от местной губернской власти признания исключительного права пользования промысловыми угодьями за алтайцами. На этом основании с русских промышленников и вообще не алтайцев, зайсаны стали взыскивать за право производства промысла денежные, иногда и натуральные сборы. Старики рассказывали мне, что сборы эти зайсаны присваивали себе, так как контроля над ними не было, хотя деньги должны были поступать в волость или дючины. Первоначально вместо билета на право промысла зайсан выдавал „сырту-агаş" — палочку с зарубками по числу артельщиков, одну на артель промышленников. Во время промысла сырту агаş хранилась у старшего артельщика и в случае надобности предъявлялась как билет. Потом сырту агаş заменил „pelet" (билет), представляющий собой квадратный кусок бересты, на котором зайсан ставил свою печать. Наконец, берестяной билет был заменен бумажным билетом, вырываемым из квитанционной книжки зайсана. В то время, когда вместо билета служила сырту агаş, промышленники платили зайсану „чем попало", именно — пушниной, мясом, сухарями и т.д. Когда русское правительство выдало зайсанам квитанционные книжки, имеющие корешки, то зайсаны все же ухитрились присваивать себе деньги. Полагалось брать билет каждому промышленнику, уплатив за него 2 рубля. Промышляют или бьют орех в Алтае всегда артелями. Отсталая техника и суровые условия тайги, полной опасностей, создали здесь коллективный труд. Когда промышленники обращались к зайсану за билетом, он выдавал на каждую артель один билет стоимостью в 2 рубля, а деньги получал с каждого члена артели. Таким образом, артель из 5 человек уплачивала зайсану 10 рублей и получала на всех лишь один билет, стоивший 2 рубля. Остальные 8 рублей шли в пользу зайсана.

В основе земельных отношений у алтайцев лежали: прежде всего присвоение Кабинетом в частную собственность царствующего императора территории, занятой алтайцами еще до перехода их в русское подданство; затем захват территорий удобной земли как миссионерскими монастырями и селениями и русскими колонистами, так и своими зайсанами и баями. В результате этого двойного захвата страдала трудящаяся масса алтайцев. Между тем необходимо признать, что земля при способе хозяйствования алтайцев являлась главным условием производства.

Вторым основным условием производства у алтайцев была частная собственность на скот. Излишки скота являлись здесь средством закабаления бедноты. Богачи-скотоводы, благодаря излишку скота и продуктов скотоводства, имели возможность пользоваться почти даровым трудом своих соплеменников бедняков и вести свое хозяйство чужим трудом. Посмотрим теперь, как были обеспечены скотом хозяйства алтайцев. Суждение об этом можно составить по данным статистической экспедиции С. П. Швецова в 1897 г.¹⁹

У Швецова эти данные обработаны методом средних величин, который затушевывает настоящую картину экономической обеспеченности хозяйств, прикрашивая „средними" величинами действительность. Поэтому я использовал материалы Швецова, обработав их по группам степени обеспеченности населения тем или иным видом скота. Получилась иная и более точная картина. У алтайцев выявилось резкое имущественное неравенство, как это следует из нижеприводимых таблиц.

Экспедиция Швецова обследовала 5537 кочевых и полукочевых хозяйств алтайцев. По обеспеченности скотом эти хозяйства распределяются следующим образом (см. табл. на стр. 66).

Из этой таблицы сразу же бросается в глаза резкая неравномерность в обеспеченности крупным рогатым скотом. С одной стороны, мы имеем совершенно необеспеченных этим видом скота 8,2% хозяйств и, кроме того 6,6% хозяйств, имеющих всего лишь одну голову

---

¹⁹ Горный Алтай и его население, т. II. Экономические таблицы. Барнаул. 1899. К сожалению эти данные не дают возможности составить представление об обеспеченности хозяйств всеми видами скота одновременно.

рогатого скота, т.е. также необеспеченных, мало обеспеченных или обеспеченных недостаточно имеем 18,1%. С другой стороны, имеем 25,6% хорошо обеспеченных, зажиточных хозяйств, имеющих от 10—50 голов и 1,8% байских хозяйств, из которых в 34 хозяйствах скот исчисляется сотнями и тысячами голов. Между этими полосами расположена

Крупный рогатый скот

Группы по обеспеченности крупным рогатым скотом	Количество хозяйств в группе		Количество скота в группе	
	абсолютное	в процентах	абсолютное	в процентах
1.Группы без скота	452	8,2		
2.Группы имеющие 1 гол	366	66	366	0,5
3.Группы имеющие 2-4 гол	1006	18,1	3 018	4,5
4.Группы имеющие 4-10 гол.	2199	39,7	14 784	22,1
5.Группы имеющие 10-50 гол	1417	25,6	27 446	40,9
6.Группы имеющие 50 и выше	97	1,8	21415	32,0
Всего	5537	100	67 029	100

группа средне обеспеченных хозяйств, имеющих от 4 до 10 голов крупного рогатого скота и составляющих 39,7%. Характерно здесь то, что первые 4 группы, составляющие 72,4% всех алтайских хозяйств, имеют 18168 голов крупного рогатого скота, что составляет 27,1% всего скота этого вида, имеющегося у алтайцев. Одновременно, одна только последняя группа, составляющая всего лишь 1,8% всех алтайских хозяйств, имеет крупного рогатого скота 21415 голов, т. е. 32,0% всего имеющегося у алтайцев крупного рогатого скота. То же самое наблюдается в отношении обеспеченности другим видом скота — рабочими лошадьми.

Рабочие лошади

Группы по обеспеченности рабочими лошадьми	Количество хозяйств в группе		Количество скота в группе	
	абсолютное	в процентах	абсолютное	в процентах
1.Группы безлошадных	588	10,6		
2.Группы имеющие 1 лошадь	1913	34,5	2869	6,9
3.Группы имеющие 2-4 лошадей	1238	22,4	4952	11,5
4.Группы имеющие 4-10 лошадей.	1077	19,5	8 067	19,4
5.Группы имеющие 10-50 лошадей	652	4,8	19 560	46,8
6.Группы имеющие 50 и выше	69	1,2	6 375	15,4
Всего	5537	100	41823	100

По Швецову средняя обеспеченность алтайского хозяйства должна выражаться в 5—10 лошадей, учитывая то большое значение, какое имеет лошадь при кочевом или полукочевом скотоводстве. Таких хозяйств, согласно таблице, 1077 или 19,5%. Безусловно велик процент (10,6) безлошадных, стало быть лишенных возможности кочевания и вынужденных или осесть и перейти к другим способам хозяйства (напр., промыслы), или продавать свой труд в чужие хозяйства. Велик процент (34,5%) необеспеченных и недостаточно обеспеченных. Основной вывод из этой таблицы тот, что 67,5% алтайских хозяйств были или необеспечены совершенно, или обеспечены так, что не могли вести хозяйство на среднем уровне. Эти 67,5% хозяйств, оказывается, сосредоточивали у себя только 18,4% всех рабочих лошадей, тогда как одна только байская группа, составляющая по отношению ко всему населению 1,2%, имела 15,4% всех рабочих лошадей. Эти цифры показывают, как далеко и глубоко

зашел процесс имущественного неравенства у алтайцев. К этому можно добавить, что из 10,6% безлошадных хозяйств 4,4% не имеют и крупного рогатого скота и 2,6% не имеет никакого скота совершенно. После сказанного не остается сомнений в том, что мы имеем дело здесь не просто с „дифференциацией“ хозяйства по обеспеченности, а с процессом перерождения хозяйства, процессом довольно острым и глубоким. Если 32,9% хозяйств были недостаточно обеспечены крупным рогатым скотом, а мы знаем, что у алтайцев этот вид скота составлял основу питания, то это значит, что 32,9% алтайских хозяйств не могли прокормиться своим скотом. Кроме того 67,5% хозяйств были обеспечены ниже среднего рабочими лошадьми, столь необходимыми при экстенсивном кочевом скотоводстве. Отсюда становятся понятными и те местные, своеобразные формы эксплуатации, распространенные среди алтайцев, как, например, сдача в аренду, в доение молочных коров, подъ „съезд“ лошадей и т.п. К характеристике и определению этих форм эксплуатации я и перехожу.

II

У алтайцев, очевидно, существовало три основных формы эксплуатации: 1) рента продуктами или ясак пушниной (впоследствии замененный денежной податью) на основе присвоения продукта российским государством, отобравшим земли алтайцев. 2) Отработочная рента, взимаемая зайсанами и баями на основе фактического захвата земель, частной собственности на скот, внеэкономического принуждения, личной зависимости, при сохранении за непосредственным производителем юридического права землепользования на территории всех зайсанств Алтая и собственности на скот. 3) Торговая прибыль, происходящая из кабальных сделок, из личной зависимости производителя продукта от торгаша.

Перехожу к рассмотрению каждой из этих форм эксплуатации по отдельности.

Ясак взимался с алтайцев с момента перехода в русское подданство (1756 г.). Ясак платило мужское население в возрасте с 18 до 50 лет. Раскладка ясака была уравнилельная с ревизской души. Вначале ясак исчислялся исключительно в шкурках зверей. Однако уже к 60-м годам алтайцев облагали и денежными сборами. Вместо денег можно было вносить пушнину. С каждой души взимали по 3 белки и 1 р. 86 коп. серебром (1858 г.).²⁰ После 60-х годов рента продуктами была заменена денежной рентой, т.е. формой превращенной ренты продуктами, так как вместо уплаты определенного количества продукта, именно, шкурки пушных зверей, алтаец должен был платить деньгами, вносить цену этого продукта. В отделениях государственного казначейства была особая такса стоимости шкурки, поступавших в ясак. Эта замена одной формы ренты другой необходимо вносила новый момент в натуральный способ хозяйства алтайцев. Теперь алтаец должен был часть продукта произвести для продажи, стала быть произвести как товар, и затем реализовать этот товар, превратив его в деньги. Введение денежных податей послужило одной из наиболее серьезных причин, вызвавших разложение алтайского натурального хозяйства, так как оно способствовало, с одной стороны, товаризации производства, с другой, — усилению обмена. Денежные подати и повинности резко ухудшили положение трудящихся алтайцев, особенно в первый период. Как доказано исследованиями Маркса, денежная форма земельной ренты предполагает развитие торговли, товарное производство²¹. У алтайцев эти условия тогда еще не созрели. Поэтому большинство алтайцев продолжало вносить зайсанам все подати шкурками зверей с тем, чтобы зайсаны реализовали эти продукты на рынке в г. Бийске, а в казначейство вносили сумму, требуемую окладом, деньгами. Это создало условия для новых способов обогащения зайсанов и демичи, которые теперь выступили в качестве посредников по ежегодному сбыту продуктов алтайцев на рынок. На этих посреднических операциях зайсаны наживали большие суммы. Принимая пушнину в счет уплаты податей по „казенной“

²⁰ Вербицкий. Заметки кочевго алтайца. Вестн. имп. РГО XXIV, 1858, стр. 91.

²¹ Капитал, т. III, стр. 750.

цене и дешевле, зайсаны продавали эту пушнину по рыночной цене. В казначейство вносили сумму, требуемую окладом, разницу клали себе в карман. Или, как сообщает Швецов, „меняют хорошую пушнину на худую, которую казначейство вовсе отказывается принимать, они же продают ее и вносят деньгами, почему образуется недоимка, или так произведут сдачу, что приходится делать вновь сборы и т. д.”²².

Зайсаны и демичи (помощники) в целях личной наживы внушали алтайцам, что взнос ясака деньгами превратит их в русских крестьян, которые подати платят деньгами. После этого русское правительство поступит с алтайцами, как и с русскими крестьянами; заставит креститься и будет брать на войну.

При незначительности денежного обращения в Алтае, производителю алтайцу достать денег для уплаты ясака было трудно, и часто в подобных случаях зайсан или демичи „выручали” таких нуждающихся следующим образом. Если зайсан считал, что человек „рудымсиль” — надежный, верный, он сам вносил за него ясак и потом получал долг алтм в натуральной форме: скотом, пушниной, орехом и т. п. Кроме того, алтаец обязан был высидеть „благодетелю” вино.

К концу XIX столетия денежная рента была всеобщей формой, в какой из алтайца выкачивался продукт российским государством. К 1897 г. алтаец платил следующие налоги: 1) ясак, взимаемый деньгами по 1 р. 43 к. с ревизской души, 2) подушная подать по 29 коп. с ревизской души, 3) губернский земский сбор — 15,5 коп. с ревизской души, 4) сбор частной волостной повинности по 32,5 коп. с ревизской души, что составляет на 1 душу — 2 р. 20 к. Далее шли неокладные сборы: 1) содержание родового управления, 2) содержание земской гоньбы, 3) содержание земских квартир, 4) церковные сборы (для крещеных). Кроме того алтаец еще нес натуральные повинности: 1) исправление дорог, 2) тушение лесных пожаров, 3) доставка лошадей для земской гоньбы, 4) заготовка дров для миссионерских церквей и школ. В некоторых районах (напр., Чулышманская долина) сумма платимых налогов и сборов на одно хозяйство составляла около 20 руб. в год, что безусловно было не под силу мелким хозяйствам. Нужно учесть, что сумма этих сборов и податей увеличивалась еще той бесконтрольной системой сбора их, которая господствовала в Алтае. Не даром один из писарей Чуйской волости говорил, что жизнь здесь „блаженная”. Что ясак и земские сборы обходятся алтайцам очень дорого, об этом писали почти все побывавшие в Алтае путешественники и исследователи²³. Так, посетивший Алтай А. Калачев сообщает о теленгитах: „вместо 57 руб. 14 к. ясака и 1500—2000 руб. земских сборов с них взыскивается различными способами до 11000 руб., как утверждал мне в Кош-Агаче местный волостной писарь; деньги эти идут, повидимому, зайсану и его помощникам. Подать собирается вообще без всяких окладных листов”²⁴.

Однако всю тяжесть налогового пресса испытывали на себе трудящиеся алтайцы, ибо зайсаны и демичи были освобождены от налогов, а бай, при уравнильной системе раскладки „подушно”, платили столько же, сколько любой бедняк.

Русское государство противостояло непосредственным производителям-алтайцам „в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена” (Маркс). Что же из этого следует. А из этого следует, как показали исследования Маркса, что в этом случае „рента и налог совпадают”, или, точнее, в этом случае „не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы (речь идет о ренте продуктами. *Л.П.*) земельной ренты” (Капитал, т. III). Когда ясак — натуральный налог — заменился денежными сборами, это значило, что рента продуктами превратилась в денежную ренту, которая „как превращенная форма ренты в продуктах есть последняя форма и в то же время форма разложения... земельной ренты, как нормальной формы прибавочной стоимости и неоплаченного прибавочного труда, который

²² Швецов, стр. 247.

²³ Швецов, глава VIII; А. Калачев. Поездка к теленгитам на Алтай. (Живая старина, VI, 1896, № 3—4; Вербицкий. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алт. дух. миссии за 1874 г. Томские губ. вед., 1875, № 25.

²⁴ Калачев, стр. 486.

приходится Доставлять собственнику условий производства" (Капитал, т. III).

Перехожу к рассмотрению второй формы эксплуатации — отработков. В литературе об алтайцах нет совершенно описаний и даже упоминаний об отработках, поэтому мне придется дать краткое описание их по материалам, собранным мною на месте во время неоднократных поездок на Алтай.

Наиболее распространенной формой отработки у алтайцев являлся „польш" рољз, что значит помощь. Возможно, что эта форма удержалась с того времени, когда алтайцы действительно жили родовым строем. Однако, содержание этой формы ничего общего с родовой помощью не имеет. Сущность рољз состояла в том, что богач, имеющий много скота, раздавал его нуждающимся, малосостоятельным коллективам в аренду. Рољз давался на следующих условиях: дойных коров бай раздавал бедноте „бесплатно", чтобы берущий прокормил бы корову в течение года, отвечал бы за ее сохранность и вернул бы хозяину приплод в годовом возрасте, кроме того „иногда" помог бы баю в работах по хозяйству, в зависимости от указания бая. За это берущий корову в „польш" мог пользоваться молоком взятой коровы. Между прочим, необходимо учесть, что коровы у алтайцев доились только в летний пастбищный период (около 5 месяцев). Следовательно, за право пользоваться молоком от коровы в течение 4—6 месяцев бедняк-алтаец обязывался не только просто пасти эту корову в течение того времени, когда он пользуется молоком, но кормить в течение всего года, сверх того помогая „благодетелю" - баю в работах по его хозяйству (сено косить, дров заготовить, скот съездить посмотреть и т. д.). Баи черневого района отдавали коров в доение — „Saar" (доить) только на летний период. Например, баи Көдеси и Кымат, жившие в Караторбоке (верховья р. Иши), сдавали коров „saar icerge Syteni" (буквально: доя, пить молоко) на лето за косьбу и уборку десятины покоса (90 X 30 сажен).

В рољз раздавали также лошадей на тех же условиях, как и коров, и за пользование лошадьёю в течение года берущий кормил ее, отдавал годовалый приплод баю и помогал ему в работах по хозяйству. С развитием денежных отношений в Алтае лошадей стали давать в рољз за деньги по 5—6 руб. в год; разумеется, кормить лошадь был обязан берущий под съезд. Овец брали у баев в рољз середняцкие и бедняцкие семьи, нуждающиеся в шерсти, а за это выполняли для бая разнообразные работы по хозяйству, часто целой семьей. Вот что представляли собой отношения рољз. По существу это сдача в аренду средств производства за отработки (рољз не следует смешивать с натуральной заработной платой). Рољз для бая являлся одновременно как способом обеспечить скот кормом, так и средством обеспечения своего хозяйства рабочей силой путем своеобразной контрактации рабочей силы, путем прикрепления рабочей силы к своему хозяйству. Рољз для необеспеченного алтайца — кабала, ибо это давало ему возможность кое-как сводить концы с концами, но закрепляло его у бая.

Боясь совершенной потери своего хозяйства, мелкий производитель алтаец, цепляясь за хозяйственную самостоятельность, видел в рољз мнимое спасение, надежду поправить свое разрушающееся хозяйство, и не замечал того, что этим самым он затягивал на своей шее петлю, любезно накинутую ему баем—„благодетелем". Рољз не только прикрепляла алтайца-бедняка к байскому хозяйству, но и давала возможность увеличиваться размерам байского хозяйства, так как подготавливала превращение мелкого самостоятельного хозяина в сельскохозяйственного рабочего.

Другой довольно распространенной формой отработки являлась *ten, uleş* (равная доля) — своеобразная испольщина. На условиях *ten, uleş* баи давали выкашивать свои покосы, на условиях *ten, uleş* бай отправлял малоимущих алтайцев собирать кедровый орех, промышлять зверя. Давая им съестные и огнестрельные припасы, иногда ружье или, чаще, лошадь, бай обязывал зависимых от него промышленников половину пушнины отдавать ему за „помощь" средствами производства (например, лошадь) или питания, а вторую половину покупал у них за деньги или товар, причем чаще за товар, так как это баю было выгоднее, ибо цены на товар он устанавливал сам. На условиях *ten, uleş* нанимали пастухов, получавших за год пастьбы, согласно этих условий, половину приплода пасущегося стада.

Из других форм отработок можно указать еще на айь куп (день долга или день приказа). Бай, оказывающий бедноте различные мелкие услуги, получал оплату за них в виде помощи в работе по хозяйству, чаще всего по покосу. И в один прекрасный день бай оповещал, что у него состоится айь куп и все, чем-либо обязанные, ехали к нему на покос со своими косами и выкуренным из молока вином. Бай варил мясо, выкуривал вино и угощал собравшихся. На айь куп ездили не только непосредственные должники бая, но и те, которые хотели чего-нибудь просить у бая в будущем или засвидетельствовать свое „почтение" перед баем. Часто бай звали к себе работать на условиях өдүз куп — заимообразно. Вообще же эта форма была распространена среди алтайцев бедняков и середняков. Средняк шел к такому же середняку или бедняку и просил его к себе поработать день или два на условиях өдүз куп, т.е. с обязательством отдать этот долг работой же. Это была система настоящей взаимопомощи. Однако бай внесли в нее эксплуатацию. Приглашая бедняка или середняка на условиях өдүз куп, бай никогда не шел к бедняку оплачивать работой же, а „благодарил" чем-нибудь вроде шкуры овцы, или посылал „сырчик" (сушеный сыр из коровьего вареного творога) и т.д.

Насколько развиты были отработки в повседневной жизни алтайцев можно видеть и из того, что малосостоятельный жених, вместо уплаты полного калыма за жену, отработывал часть калыма, а иногда и весь калым, тестю от года до девяти лет. Эта своеобразная форма отработки носила название *selbik iş* (прибавочная работа). А у тубаларов мне эту форму отработки называли *куе iş* (работа зятя). Обычно такой зять говорил тестю *jolgo joqozь ratpas өskys* (ничего нет, сирота) и договаривался о сроке отработки за жену. Вот, в основном, те формы отработок, сведения о которых я собрал лично. Едва ли эти формы исчерпывают все виды отработок, существовавших в Алтае. Мне не удалось побывать в ряде наиболее важных районов Алтая и собрать соответствующий материал. Тем не менее, и на основании указанных форм можно составить представление об их сущности и сделать необходимые выводы.

Прежде всего, можно утверждать, что отработки эти поддерживались зайсанской и байской верхушкой в своих интересах, так как прямое назначение наиболее распространенных форм отработок (*рольş, ten, yleş*) состояло в том, чтобы обеспечить байские хозяйства алтайцев рабочей силой. Для байства отработки были способом обеспечения своих хозяйств дешевой рабочей силой. Для бедноты, для малоимущих алтайцев, отработки — это аренда из нужды, средство продления агонии хозяйственной самостоятельности, которая означала в действительности превращение мелких, самостоятельных хозяев в сельскохозяйственных рабочих. Это следует из того, что к такой аренде прибегали только малоимущие хозяйства, что оплата труда отличалась крайней дешевизной. Это следует и из того весьма важного обстоятельства, что отработки могли исполняться и алтайцами, не имеющими своего инвентаря. Эти виды отработок, представляют собою ту форму отработок, про которые В.И. Ленин писал, что они „составляют прямой переход к капитализму, сливаясь с ним рядом совершенно неуловимых переходов"²⁵. Ленин обращает внимание, что перенос центра тяжести с отработок, выполняемых инвентарем крестьянина, к отработкам, выполняемым крестьянами, не имеющими своего инвентаря, имеет громадное значение в процессе вытеснения отработок капитализмом в том смысле, что облегчает переход к капитализму в сельском хозяйстве.

Мне остается сказать еще о той части алтайцев, которые совершенно не имели ни инвентаря, ни крова. По данным 1897 г. среди алтайцев было 5,1% таких, которые не имели даже корьевой юрты и ютились целыми семьями возле богачей, ночуя в каком-нибудь из байских жилищ²⁶. По Радлову, это — „бедные соседи" (*arme Nachbaren*). На деле же, это были крепостные батраки бая, работавшие на бая всей семьей, кочевавшие вместе с баем и получавшие от бая ничтожные средства существования. Вот как описывают миссионеры

²⁵ Развитие капитализма в России, т. III, стр. 150—151.

²⁶ Швецов, стр. 63.

отношение баев к своим зависимым. — „Если тщеславен и спесив разбогатевший русский торгош, то богатый калмык, особенно родовитый, совсем невозможен в своем обращении с бедными кочевниками. Бедняк буквально ползает перед богатым, чтобы вымолить у него лоскут на одежду и горсть-другую хлеба на пропитание семьи"²⁷. Миссионеры же сообщают следующие факты про богача 2-й Чуйской волости, Саву Евтиекова. Он прославил себя

„пыткой над бедной калмычкой 1-й Чуйской волости, жившей у него в услужении, девицей Манай, за намерение принять св. крещение..., привязавши свою жертву к решетке аила и спутавши ее ноги железными путами, бесчеловечно начал бить ее плетью, обвитой проволокой, затем правую руку и левую ногу ее перевязавши ремнем, стал крутить оный посредством палки, причиняя несчастной невыносимую боль; потом, поставивши Манай на чурку на колени, положил на ее ноги тяжелый шест так, чтобы переломить обе или, по крайней мере, одну ногу мучимой девицы, каковая цель и была достигнута: правую ногу Манай переломили, вследствие чего она и лежала полтора месяца в постели, в аиле Савы. Следы страшных побоев Савиных и сейчас сохранились у Манай, нога же, хотя и срослась, но криво и продолжает болеть"²⁸.

Эти зверства бая были известны чуйским волостным старостам, однако они даже не допросили об этом Саву. Другая работница Савы — Куукак, однажды избитая им до полусмерти, удавилась в ту же ночь. Удавился и избитый им алтаец Тоодын²⁹.

Эти примеры я привел для того, чтобы показать, насколько велика была личная зависимость батраков, юридически равноправных, фактически же крепостных рабов баев.

Мне осталось еще показать, что представляла собой третья форма эксплуатации алтайцев—торговая прибыль. Этой формой эксплуатации пользовались преимущественно русские торговцы благодаря тому, что русскому торговому капиталу удалось проникнуть в алтайское хозяйство и, более того, подчинить себе способ производства. Способ производства у алтайцев не обладал той „внутренней устойчивостью“, как это было в Индии или Китае, когда туда внедрялась английская торговля (см. Капитал, т. III). Способ производства у алтайцев не мог оказать достаточного сопротивления русской торговле, он оказался для этого слишком слабым. Слабость эта заключалась в отсутствии у алтайцев настоящего, производительного земледелия, как наиболее прочной базы существования, и в слабом развитии домашней промышленности. Через эти, наиболее уязвимые, места алтайского натурального хозяйства и проникла русская торговля. Различные ткани, завозимые русскими купцами в Алтай, мука, соль, чай, огнестрельные припасы быстро нашли себе спрос у алтайцев. Русская торговля создала здесь новую форму эксплуатации — торговую прибыль. Достаточно привести два примера, чтобы составить представление об этой эксплуатации:

„В 1853 г. начальник алтайской миссии официально писал, что, например, 1 топор или старые сапоги, данные русским человеком в долг кочевому инородцу, года через четыре вырастают в сторублевого коня, а вскоре и в целый табун, который не робкие торговцы и угоняют без дальнейших толчков, объявив через людей хозяину, что скот угнан такими-то... 1 пуд ячменя года через два вырастает в 25 пудов ореха или еще более. Таким образом ныне едва ли не все леса с их орехами и белками запроданы русским за несколько лет вперед, так же как дикие пчелы и прочие промыслы... Инородцы — вечные рабы лукавых заимодавцев“.

Вот еще один пример. В журнале Томского губернского правления (20 марта 1854 г.) говорится, что инородцы Бийского и Кузнецкого округов сделались

„неоплатными должниками торговцев и впали в полную от них зависимость. Те же торговцы вывозят ежегодно из принадлежащих инородцам лесов в огромном количестве кедровые орехи, заводят в зверопромышленных местах пчелиные пасеки и поселения и тем отнимают у инородцев возможность пользоваться местными способами промышленности. Оба эти обстоятельства ввергают инородцев в крайнюю бедность, лишают их всякой возможности образования и вредно действуют на их

²⁷ Отчет Алт. дух. миссии за 1909 г., стр. 39.

²⁸ Отчет миссии за 1912 г., стр. 81—82.

²⁹ Там же.

нравственность"³⁰

Эти документы дают представление о положении алтайцев с проникновением к ним русских торговцев. Насколько выгодна была торговля с алтайцами, видно из того, что ею занимались не только купцы и зажиточные русские крестьяне, но, как свидетельствует Ядринцев, и „священники, заседатели-управители инородцев". О доходах, получаемых от торговли, можно судить по росту капитала русского купца Мокина, жившего в Усть-Кане. В 1860 г г Мокин приехал в алтайские стойбища мелким торговцем, имея 5 лошадей, 10 голов рогатого скота. В 1875 г. он имел уже до 3 000 голов скота. В 1887 г. Мокин раздавал товаров в кредит (исключительно алтайцам) на 25 000 руб. и имел в торговом обороте капитал в 150 000 руб. Кроме того Мокин захватил у алтайцев много земли, У него было несколько огороженных зимних стоянок на 1000—2000 голов скота, летние пастбища для 3000 голов крупного рогатого скота, сенокосы, и 40 десятин занято было им под усадьбу. За захваченную землю алтайцам Мокин ничего не платил, а платил лишь кабинету арендную плату 6 руб. в год...

Что же представляла собой здесь торговая прибыль? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сделать следующее разъяснение. Русский торговый капитал в Алтае представлял „свободную форму существования капитала" (Маркс), так как не являлся здесь частью производительного капитала, а вел самостоятельное существование на основе феодального неразвитого производства, подчинив себе это производство, приспособив производственные отношения к своим целям. При капиталистическом способе производства купеческий капитал участвует, как часть производительного капитала, занятого в процессе общественного воспроизводства, и имеет на свою долю часть прибыли, заключающейся в средней норме прибыли. Торговая прибыль состояла в том, что купец, покупал у промышленного капиталиста товары ниже их стоимости (ниже их цены производства) и торговая прибыль была „равна избытку продажной цены над ценой производства товара, которою для купца является его покупная цена; но ясно, что действительная цена товара = его цене производства + купеческая (торговая) прибыль" (Маркс).

На Алтае торговый капитал являлся хозяином производства. Здесь торговая прибыль купца состояла в присвоении всего прибавочного, а иногда и необходимого продукта алтайцев, отчуждаемого „за долги". Торговая прибыль была здесь результатом „обсчета и обмана", как справедливо определяет ее Маркс для торгового капитала, играющего роль „посредника при обмене продуктов неразвитых стран", результатом кабалы, личной зависимости. Приезжая в алтайские стойбища, купец раздавал свои товары алтайцам в долг. Долг этот, по условию, должен был оплачиваться продуктами: скотом, шерстью, пушниной, орехом и т.д. Подобный кредит сопровождался высоким процентом, чтобы производитель в назначенное время оказался бы не в состоянии уплатить долга и долг мог бы быть перечисленным на новый срок с новым, еще более высоким процентом. Таким путем росли долги и переходили на потомство. Заполучив должника, купец приобретал над ним личную власть и, действуя методами внеэкономического принуждения, превращал производителя в своего рабочего, присваивая его продукт и труд на основе старого способа производства. Стало быть суть дела заключалась в том, что купец не оплачивал производителю всего труда, который производитель затрачивал на производство продукта для своего кредитора. Затем, превращая, путем продажи, продукт в товар, купец продавал вместе с тем и неоплаченный труд „должника" алтайца и это составляло сущность торговой прибыли. Тысячу раз был прав Маркс, когда он писал, что „торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет систему грабежа" (Капитал, т. III, стр. 317).

Итак, источник обогащения русских торговцев в Алтае — торговую прибыль — составляло присвоение неоплаченного труда алтайцев. Это достигалось следующим образом: 1) созданием кабалы, личной зависимости производителя от купца путем предоставления

³⁰ Цитирую по Шашкову „Сибирские инородцы в XIX столетии".

производителю кредита с высоким процентом, 2) отчуждением продукта производителя „за долги" и превращением продукта в товар путем продажи, где продавался и неоплаченный труд производителя, затраченный им на производство отчужденного продукта.

Несколько слов о национальном алтайском торгово-ростовщическом капитале. Нужно различать два типа представителей этого капитала у алтайцев. Первый тип, преимущественно на юге Алтая, по соседству с Монголией, вдоль чуйского торгового тракта, представлял собой феодально-торговую верхушку... Это была аристократическая торговая буржуазия. Представители этой родовой буржуазии *uktu-bai* — наследственные феодалы, занимались торговлей и постепенно перестраивали свое хозяйство на товарный лад. Эта часть алтайской буржуазии, как и вообще феодальная аристократия алтайцев, была очень враждебно настроена по отношению к русской власти, колониальному режиму. Не даром царское правительство направляло против нее удары, когда почувствовало в ней опасность. Сохранив, например, старую форму управления алтайцами, в целях удобства для эксплуатации, русское правительство отменила наследственность и пожизненность власти *зайсанов* — этих алтайских князей. Окончательный удар по феодальному оплоту был нанесен введением землеустройства, лишившим феодальную байскую верхушку огромных латифундий. Второй тип, представленный преимущественно на севере Алтая, представлял собой торгово-ростовщическую буржуазию, выросшую в результате разложения натурального хозяйства алтайцев. Этот тип буржуазии, выросшей из „низов", был тесно связан с русским торговым капиталом, был его опорой, посредником в торговле с алтайцами. Это были преимущественно крещенные алтайцы, так называемые „таныши" (*таньш*). Большинство собранных мной материалов говорит за то, что скупщик-посредник вырастал из среды среднего, иногда даже бедного, крестьянства и всегда в сфере промыслового хозяйства (охотничьего, промысляющего орех кедровый), работавшего на рынок. Обыкновенно это происходило так. Какой-нибудь из артельщиков-алтайцев, промысляющих зверя или собирающих кедровый орех, вызывался сдать продукцию на ярмарку или кому-либо из крупных купцов, имеющих резиденции в больших селах, чтобы продать подороже. Такому человеку поручали сдать продукцию „по пути" и другие артели промышленников. Прюделав раз или два такую поездку, этот человек становился уже „бывалым". Он завязывал знакомство с каким-нибудь крупным купцом, уже меньше промыслял, а больше ездил по артелям, собирал поручения на сдачу продукции, которую вез своему знакомому купцу. Купец угощал его, называл „знакомым", „приятелем", и давал ему различных товаров на несколько десятков, потом сотен рублей, давал кроме товаров и деньги, чтобы таныш мог закупать большие партии продукта в тайге же и потом привозить купцу. Постепенно обыкновенный промышленник бросал окончательно промысел, переходил к занятию посредническими операциями и становился скупщиком, работая на определенную русскую фирму. Ездя по •стойбицам, „таныш" раздавал товары и деньги в кредит под пушнину, под орех, иногда и под скот. Некоторых, наиболее бедных хозяев, он посылал в тайгу на промысел на условиях *ten uleş*, снабжая их огнестрельными, съестными припасами. Капиталистическая эксплуатация танышей была опутана докапиталистическими отношениями и протекала поэтому в неразвитой, примитивной, а чрез это еще более хищнической форме. Насколько были выгодны операции посредничества, видно из того, что „таныши" имели в селах и улусах каменные и деревянные двухэтажные дома, крытые железом. Таныши и им подобные, выросшие из национальной среды буржуа, были агентами, приказчиками русского торгового капитала. Они являлись тем мощным клином, который вбивал русский торговый капитал в трещины алтайского натурального хозяйства.

III

Установив, что у алтайцев мы имеем дело с классовым обществом, мы легко можем определить и степень общественно-экономического развития этого общества. Критерием

для этого, как установил Маркс, служат конкретные формы эксплуатации. Маркс писал:

„Та специфическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, определяет отношения господства и подчинения... Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз соответствует определенной ступени труда, а потому и общественно-производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя" (Капитал, т. III, стр. 743—744).

На основании этого, единственно научного, критерия для различения классовых формаций, мы можем сказать, что алтайцы в то время находились на стадии феодальной формации, так как прибавочный труд алтайцев присваивался преимущественно в форме ренты: продуктами (позже денежной) и отработочной (различные отработки). Эти две основные формы эксплуатации труда алтайских крестьян говорят о феодализме, ибо при феодализме экономическая зависимость выражается в форме земельной ренты „как нормальной формы прибавочной стоимости и неоплаченного прибавочного труда, который приходится доставлять собственнику условий производства" (Капитал, т. III). При этом, говорит Маркс, в качестве собственника земли может противостать непосредственным производителям и государство, как это наблюдается в Азии. Дело не меняется, когда государство выступает „в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена", тогда „рента и налог совпадают". Так это и было у алтайцев, пока, перед империалистической войной, ясак, подушная подать не были заменены оброчной поземельной податью.

Алтайцы переживали стадию феодализма с присущими ей родовыми пережитками и элементами капитализма. Натуральная рента, взимаемая Российским государством, была к концу XIX столетия заменена денежной формой, т.е. формой разложения земельной ренты, как нормальной формы прибавочной стоимости и неоплаченного прибавочного труда (Маркс). Отработки у алтайцев: были того типа, которые, по Ленину, составляют переход к капитализму. Необходимое условие феодального способа производства — натуральное хозяйство — у алтайцев разлагалось. Разложение его шло по линии вторжения русского торгового капитала (характерной чертой этого вторжения была принудительность сделки кредита высоким процентом), по линии принудительного введения денежных податей и сборов и по линии развития товарного хозяйства. Факт разложения алтайского натурального хозяйства ярко подтверждается на статистических материалах экспедиции 1897 года, приведенных выше в обработанных таблицах. На основании точных данных выявилось резкое имущественное неравенство у алтайцев. А это имеет большое значение. В.И. Ленин в работе „Развитие капитализма в России" указывал народникам, что возникновение имущественного неравенства среди крестьянства нельзя рассматривать как простую дифференциацию, он писал: — „несомненно, что возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса, но одной этой дифференциацией процесс отнюдь не исчерпывается". Старое крестьянство не только „дифференцируется", оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения,— типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством". То же читаем у Ленина в работе „Экономическое содержание народничества":

„Дело не ограничивается созданием одного только имущественного неравенства: создается новая сила — капитал. Создание этой новой силы сопровождается созданием новых типов крестьянских хозяйств: во-первых, „зажиточного, экономически крепкого, ведущего развитое товарное хозяйство, отбивающего аренду у бедноты, прибегающего к эксплуатации чужого труда, во-вторых, „пролетарского крестьянства, продающего свою рабочую силу капиталу".³¹

Это чрезвычайно важное указание Ленина нужно все время иметь в виду. Можно утверждать, что уже в конце прошлого столетия алтайское крестьянство не только резко

---

³¹ Сочинения, т. I, стр. 126.

различалось по имущественному положению, но и изменялось: начинало заменяться новыми общественными типами, хозяйство которых уже строилось на товарный лад. С одной стороны, образовывался у алтайцев сельскохозяйственный пролетариат, не имеющий своего хозяйства, обладающий только своей рабочей силой, применить которую в своем хозяйстве он не мог, с другой стороны, нарождался новый тип баев, ведущих товарное хозяйство, прибегающих к найму рабочей силы, улучшающих технику хозяйства, торгующих, занимающихся ростовщичеством и т. д. Те и другие уже в то время являлись носителями зарождающихся капиталистических отношений. Важным аргументом, свидетельствующим о зарождении капиталистических отношений у алтайцев, является существование своего, выросшего из национальной среды, скупщика, который известен у алтайцев (по крайней мере северных) под названием „Таныш“, что значит „знакомый, приятель“.

В.И. Ленин, критикуя книгу П.Б. Струве „Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России“ (СПб. 1894) отметил правильность указания П.Б. Струве на решающее значение появления скупщика следующими словами:

„Это указание на решающее значение появления скупщика — глубоко верно. Решающим оно является в том отношении, что безусловно доказывает уже наличность капиталистической организации, указывает применимость и к России положения, что „товарное хозяйство — денежное хозяйство есть хозяйство капиталистическое“, создает то подчинение производителя капиталу, из которого не может быть иного выхода, кроме самодеятельности производителя“.

Другой общественный тип этого же порядка, появившийся в результате разложения натурального хозяйства, ростовщик (paғышту бај), главное богатство видел в деньгах. Ссужал населению деньги под проценты. Брал от 10 до 20%.³² Особенно известный ростовщичеством Пашка Тадыкин (род Кергиль), живший по р. Куюму, брал до 20%. Славился ростовщичеством и знаменитый богач Онгудайского района Манжи Кульджинов. Он, на одном из зайсадских съездов в Онгудае, кажется, в 1908 г. (сообщавший мне эти сведения лично присутствовал на съезде, но года точно не помнит), предложил съезду следующее: он, Манжи, откроет в Онгудае кредитный банк и будет снабжать население деньгами. Размер ссуд он предлагал от 50 до 1000 рублей, размер процента установить „10 коп. с рубля“ (т.е. 10%). Съезд, по инициативе зайсана, Комляжской волости И.М. Табокова (сына М.В. Табокова), отклонил предложение Манжи. Табоков обосновывал отказ тем, что „есть государственные и купеческие банки, зачем же открывать новый банк“.

В рамках этой статьи я не могу коснуться анализа настоящей причины отказа И.М. Табоковым предложению Манжи Кульджинова, заключавшейся в наличии противоречий между народившимся южным (связанным с Монголией и Китаем) и северным (связанным с Россией) алтайским национальным торговым капиталом.

На ряду с ростовщичеством, этот тип бая вел торговлю и эксплуатировал население и путем обработок.

В специальной работе я разберу подробнее все существовавшие у алтайцев типы баев, теперь же укажу на то, что, под влиянием развивающихся товарных отношений, у алтайцев начинало перестраиваться на этот же лад и хозяйство „укту“-баев, этих горных, кочевых помещиков, известных широким применением отношений *poľş ten, uleş* (помощь, равная доля, из половины) и других форм обработок и ведущих в основном натуральное хозяйство. Например, известный богач на Алтае — Кыйтык ежегодно продавал до 500 быков, около 600 лошадей отдавал „под съезд“ по б руб. за лошадь в год и до 600 коров раздавал в „польш“³³. Особенно ярко это можно подтвердить на примере хозяйства баев Суулуковых. Живший по р. Куюму (правый приток Катуня) Чочуш Суулуков (умер в 1923 г.) был типичным *uktu bai'em*. Имел много скота. Свыше 100 коров он отдавал в „польш“. Отдавал в польш и лошадей. Около Чочуша жили и „питались“ многие его беднейшие сородичи, фактически

³² Это по моим материалам, а миссионеры указывают, что берут до 60%/д. См. Отчет Алт. дух. миссии за 1917 г., стр. 27.

³³ Отчет Алт. дух. миссии за 1909 г., стр. 13.

находившиеся от него в полукрепостной зависимости. Чочуш довольно широко пользовался отработками. Большую часть скота Чочуш держал в течение всего года на подножном корму, меньшую часть подкармливал сеном, которое ставили ему „благодарные" сородичи. Чочуш объявлял, что в такой-то день он назначает айбь куп (день долга) и в этот день к нему съезжалось столько народа со своими косами-литовками и вином, выкуренным из молока, что выкашивали покос в один день. Чочуш колол скотину, угощал работавших вином, вареным мясом и на этом его заботы о сене кончались, ибо уборка сена производилась таким же образом. Чочуш вел в основном натуральное хозяйство. Не так организовал свое хозяйство его сын и наследник Санабай. Санабай не отдавал коров в польш, а нанимал доить их батрачек „uizarqa kizi". Молоко пропускал через собственный сепаратор и делал масло для продажи. Санабай сена ставил больше и при уборке применял собственные с.-х. машины и батрацкий труд. Кроме того Санабай бойко торговал. Богатство Санабая стало быстро увеличиваться. Так же перестроили хозяйство своих предков братья Манжи и Аргы-май Кульджиновы. Братья сделали свое хозяйство товарным. Ежегодно (к 1897 г.) они продавали по 200 голов крупного рогатого скота, специально откормленного на отгонных пастбищах. Алтайцы Павел Туйтыш (V дючина) и Бодя Туушин (II дючина) продавали ежегодно до 250 голов крупного рогатого скота³⁴. Аргымай пошел по этому пути дальше. Он стал разводить племенной скот, сделался поставщиком лошадей двора „его величества". „Он не раз бывал в столице, ездил в Германию и Англию для изучения коннозаводства"³⁵. Он производил искусственное орошение Кеньгинской долины (фактически принадлежавшей ему), выстроил маслодельный завод. При всем этом, будучи зайсаном, он держал много скота — до 25 000 голов. Такое количество скота ему необходимо было держать для поддержания своего авторитета среди алтайской бедноты и середнячества, так как главным богатством в глазах трудящихся, алтайцев, по традиции, являлся скот. Аргымай это прекрасно учитывал³⁶. Я мог бы привести еще много примеров этого типа. Вполне справедливо, по моему, отметил начальник Алтайского округа в 1910 г., что у „богатых инородцев скотоводство начинает принимать характер скотопромышленности, а часть инородцев, живущих вблизи русских селений... начинают сдавать молоко на маслодельные заводы"³⁷.

Несомненно, что уже в конце прошлого и начале нашего столетия хозяйство алтайцев быстро перестраивалось на товарный лад. Трудящиеся алтайцы, скотоводы и особенно занимавшиеся лесными промыслами, по существу уже давно работали на рынок.

Правда, они не выступали на рынке сами, а продукт их (предварительно обесценив) забирали русские и свои скупщики. Наибольшей товарностью обладали байские хозяйства, выбрасывавшие на рынок продукт и покупавшие рабочую силу и средства производства (с.-х. машины, племенной скот) и бедняцкие, продававшие рабочую силу и покупавшие средства существования. Развитие товарного производства вызывало у алтайцев улучшение техники.

Выше мы видели, что Аргымай разводил племенных лошадей. Павел Тадыкин разводил в Куюме племенных быков. По р. Майме разводились холмогорские коровы. Стали больше разводить крупного рогатого скота, как наиболее товарного. В самом уходе за скотом также произошли некоторые изменения. Расширялась год от году заготовка сена, в богатых или зажиточных хозяйствах стали применяться с.-х. машины. В обработке молочных продуктов произошел огромный сдвиг — был завезен сепаратор, „исконное" отстаивание сливок заменено отделением сливок посредством центробежных машин. Машина поставила производство вне зависимости от температуры воздуха, увеличила выходы масла из молока на 10%, повысила качество продукта, удешевила выделку масла. Кое-где у алтайцев стали появляться маслодельные и кожевенные заводы, правда

³⁴ Швецов, стр. 354.

³⁵ П. Гордиенко. Ойротия. 1931, стр. 34.

³⁶ Сообщено А. И. Ильинским, председателем Ойротского областного суда, судившего Аргымай показательным процессом в 1930 г. по ст. 58,² 10 ч. УК.

³⁷ Отчет, Алт. дух. миссии, стр. 116, 117.

насчитываемые (у самих алтайцев) единицами.

Процесс товаризации алтайского хозяйства за рассматриваемый период — факт несомненный. Это внесло существенные изменения в организацию скотоводческого хозяйства. И здесь имело силу положение, установленное В. И. Лениным, что —

„рост товарного хозяйства не мирится с отработочной системой, так как эта система основана на натуральном хозяйстве, на неподвижной технике, на неразрывной связи помещика и крестьянина. Поэтому эта система в полном виде совершенно неосуществима, и каждый шаг в развитии товарного хозяйства и торгового земледелия (в Алтае же скотоводства. *Л. П.*) подрывает условия ее осуществимости“.

И, действительно, мы наблюдаем в Алтае, по мере развития товарного хозяйства, развитие свободного найма рабочей силы, сроков годовых рабочих (*bir jьldьn jalьsь*), поденных (*кунпiш*), сезонных батраков.

Разумеется, отработки в Алтае до Октябрьской революции не исчезли* но уже не преобладали. Отработки продолжали существовать, переплетаясь с новыми формами обеспечения рабочей силой, принесенными новой, противоположной системой хозяйства.

Глубоко был прав В. И. Ленин, когда писал:

„Жизнь создает такие формы, которые соединяют противоположные-по своим основным чертам системы хозяйства с замечательной постепенностью. Становится невозможным сказать, где кончаются „отработки“ и начинается „капитализм“.

Некоторые виды отработок у алтайцев, например, косьба сена, уборка ячменя, сбор кедрового ореха бая, производимые инвентарем бая, за оказанную им какую-нибудь услугу, составляли „прямой переход к капитализму, сливаясь с ним рядом совершенно неумовимых переходов“³⁸.

Свободный наем годовых, сезонных и поденных рабочих, работавших байским инвентарем, подтверждается данными Алтайской статистической экспедиции 1897 г. По этим данным продавало свой труд 14% всех „инородческих“ хозяйств Алтая. Среди оседлых алтайцев труд продавало 19% хозяйств, среди же кочевых —12%³⁹ Среди различных категорий рабочих обследование 1897 г. особенно обратило внимание на пастухов. Пастухов держали преимущественно крупные скотоводы.

„Кроме профессиональных пастухов существует целая категория сроковых, поденных и сделных рабочих, у которых в ряду различных отраслей их труда известную долю составляет пастьба скота. Заработок пастухов, выраженный в деньгах, представляется на основании 52 показаний в следующем виде:

5 хозяйств зарабатывают от	5 до	10 руб. в год
12	10	20
13	20	30
12	30	50
8	50	75
3	выше	100

Но при общих условиях найма на Алтае такой заработок, конечно, является в значительной степени преувеличенным, так как большую его долю пастухи получают в виде продуктов, а затем самый расчет обесценивается той системой пожизненного кредита, при посредстве которого работодатели эксплуатируют всякий труд туземного обитателя края⁴⁰.

Юхнев прав, считая этот заработок преувеличенным. Мои исследования этого вопроса в северном и правобережном (р. Катунь) Алтае показывают также меньший заработок. Об

³⁸ Ibid., стр. 150—151.

³⁹ Юхнев, стр. 154.

⁴⁰ Юхнев, стр. 153, 154.

этом можно судить и по исследованию Швецова⁴¹.

Если обратиться к другим видам продажи труда у алтайцев, то и здесь следует согласиться с характеристикой оплаты наемного труда, которую дал Юхнев. Он писал:

„Только зная условия найма на Алтае, особенно широко практикуемые при эксплуатации труда инородца, нельзя говорить о величине годового заработка этого промысла (продажи труда. *Л. П.*), все операции которого зиждутся на тяжелом кредите, на высокой предпринимательской прибыли работодателя, на невежестве и нищенстве представителя труда“⁴².

Я не могу приводить здесь иллюстрации сказанному и ограничусь тем, что отмечу следующие характерные особенности наемного труда: 1) низкая оплата, 2) применение кредитной системы при покупке рабочей силы⁴³ (например, под работу давались вперед товары, стало быть кабальный характер), спаивание⁴⁴, 3) оплата труда в денежной, а чаще в натуральной форме (продуктами, товарами и т. п.). Натуральная форма оплаты труда была наиболее выгодным способом присвоения прибавочного труда, так как, снижая стоимость труда вообще, она еще обесценивала труд высокими расценками на продукты и товары, которыми хозяин платил рабочим.

К сожалению, за полным отсутствием статистических данных, я не могу дать сведений ни о количестве алтайских хозяйств, пользующихся постоянным наемным трудом, ни анализа потребления наемной рабочей силы в различных по степени обеспеченности группах хозяйств.

Подытожим сказанное. За рассматриваемый период натуральное алтайское хозяйство переживало период усиленного разложения. На смену натуральному способу производства продуктов выступала товарная форма производства. Производство продуктов для рынка, т. е. товаров, становилось всеобщей формой производства. Исключительно товарное направление получили лесные промыслы: зверовой и сбор кедрового ореха, которыми занимались свыше 80% алтайцев. Продавался уже не только продукт труда, но и сам труд стал принимать товарную форму. С разложением более или менее однородной скотоводческой массы и как результат этого разложения в алтайском обществе нарождаются новые общественные типы. Появляются совершенно лишенные средств производства алтайцы — это с.-х. пролетарии, уже продающие свой труд сплошь и рядом по свободному найму и существующие покупкой средств существования; возникает новое, буржуазное байство, ведущее комбинированное хозяйство. Будучи скотоводами, эти бай занимались и земледелием, применяя и здесь с.-х. машины и наемный труд. Они разводили маралов, устраивали большие пасеки, начинали строить маслодельные и кожевенные заведения, широко пользовались наемным трудом и вели торгово-ростовщические операции. Численно эти хозяйства составляли небольшой процент, но они постепенно становились хозяевами алтайских аилов. Буржуазное байство имело перед русскими эксплуататорами то преимущество, что у него было общее национальное происхождение и язык с эксплуатируемой массой, родственные связи. Кроме того, эти бай умело использовали в своих целях национальную ненависть трудящихся алтайцев к русским угнетателям. Перед старым феодальным байством они имели экономическое преимущество. Если многие из новых баев не могли называться *uktu* (т.е. родовитыми), то они могли похвастаться лучшими и более товарными породами скота, с.-х. машинами, сепараторами, торговыми операциями, наконец, они больше имели денег.

Одновременно с этим ухудшилось положение производителей-алтайцев. Налоговый пресс царского правительства жал все сильнее, буржуазная русская земельная колонизация, разбой торгового капитала несли трудящимся разорение и нищету. К этому добавлялось бремя угнетения со стороны своих национальных эксплуататоров. Техническая отсталость хозяйства делала тяжесть двойной эксплуатации алтайцев еще более ощутительной. Все

---

⁴¹ Швецов, стр. 349.

⁴² Юхнев, стр. 155.

⁴³ Юхнев, стр. 134.

⁴⁴ А. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны. Сиб. Газета, 1881, № 39.

чаще и в больших размерах разорялись мелкие скотоводы и охотники, превращаясь в пролетариев, но не „свободных как птицы“, а, благодаря кабальному характеру наемного труда и родовым пережиткам, в полукрепостных рабочих. В том и состояла особенность возникающих капиталистических отношений у алтайцев, что эти отношения были опутаны старыми, докапиталистическими отношениями, что они не разрушали старые родовые, феодальные формы, а сохраняли их, приспособливали к себе. Это тормозило развитие капиталистических отношений, а на производителе отражалось особенно тяжело, так как сохранялась кабала, исключалась возможность свободного перехода от одного хозяина к другому, из одного места в другое, исключалась возможность выбора относительно лучших условий.

Очевидно, что алтайцы переживали период первоначального накопления, который по Марксу означает „процесс отделения производителей от средств производства“, „когда значительная масса людей насильственно отрывалась от средств своего существования и выкидывалась на рынок труда в виде свободных как птиц пролетариев“ (Капитал, т. I). Маркс показал, что первоначальное накопление „образует предисторию капитализма и соответствующего ему способа производства.“ Этот процесс зародился в Алтае в недрах феодальной формации. Он был подготовлен развитием производственных отношений феодализма у алтайцев, основная тенденция которых была направлена к отделению производителя от средств производства.

Основным противоречием дооктябрьского периода у алтайцев было противоречие между угнетенной массой трудящихся крестьян ойротов или алтайцев — непосредственных производителей продукта и колониальными угнетателями в лице чиновников, миссионеров, купцов, кулаков — этими непосредственными эксплуататорами и представителями российского империализма, которые путем насилия, произвола и кабалы присваивали продукт труда ойротских крестьян. Вторым противоречием было противоречие между трудящимися алтайцами и своими национальными эксплуататорами — феодальным и буржуазным байством и зайсанской верхушкой. Третьим противоречием являлось противоречие интересов феодальной байской и зайсанской верхушки с интересами русских эксплуататоров, проявлявшееся в форме борьбы за влияние экономическое, общественное и бытовое на трудящихся ойротов.

Основное противоречие этого периода — противоречие между угнетенной массой ойротского крестьянства (являющегося основной производительной силой алтайского общества) и колониальными эксплуататорскими отношениями, вылилось в форму открытого протеста ойротского крестьянства против колониального гнета русского капитала. Во главе этого движения, скрываясь за подставные фигуры, стояла аристократическая алтайская буржуазия, тесно связанная через Монголию с китайским торговым капиталом. Она дала этому национально-освободительному движению четкие антирусские лозунги и втиснула его в религиозные формы. Это движение известно под названием бурханизма, возникшего в Алтае в 1904 г. Подробное описание фактической стороны этого движения сделано рядом авторов⁴⁵. Л. Мамет и А. Данилин дают попытку анализа социально-экономических причин возникновения бурханизма и его политическую характеристику. Однако, характеристика эта не полна, не точна и не соответствует действительности. После ряда рецензий это вынужден был признать и сам Мамет⁴⁶. Мамет правильно определяет бурханизм как национально-освободительное движение, разумеется не „алтайских масс“ вообще, как у него сказано, а алтайского или ойротского крестьянства. Но Мамет пропустил в исследовании этого вопроса чрезвычайно существенный момент, без освещения которого нельзя правильно

⁴⁵ Н. Бакай. Легендарный Ойротхан. Сибирские Огни, № 4, 1926. — В. Верещагин. Бурха-низм или „ак-янг“ (белая вера) на Алтае. Сибирский Рассвет, №3—4, 1919. — А. Анохин. Бур-ханизм в Западном Алтае. Сибирские Огни, №5, 1927. — Л. Мамет. Ойротия. Труды научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем, вып. V. Москва, 1930. — А. Данилин. Бурханизм на Алтае и его контр-революционная роль. Советская Этнография, № 1, 1932.

⁴⁶ См. его письмо в Правде от 24 IV 1931.

понять и оценить бурханизм — эту попытку китайского торгового капитала, конкурировавшего в Монголии с русским торговым капиталом, использовать бурханистское движение (через своих агентов — монгольских лам) в своих интересах, т. е. в стремлении вытеснить из Монголии русский торговый капитал и проникнуть и укрепить свое влияние не только в Монголии, но и в Алтае. Что алтайская аристократическая буржуазия получала инструктирование и помощь с „востока" в деле руководства и развития бурханистского движения, подтверждается многочисленными фактами, начиная с того, что монгольские ламы снабжали алтайцев предметами культа „новой веры", поставляли проповедников, и кончая тем, что привозили в Алтай китайские деньги, которые демонстрировали алтайцам бурханистские проповедники, агитируя за уничтожение русских денег и внедрение китайских с изображением дракона⁴⁷. На связь феодальной, аристократической, верхушки Алтая с Китаем постоянно обращали внимание царского правительства миссионеры в отчетах Алтайской духовной миссии. Ошибку Мамета — игнорирование роли китайского торгового капитала в бурханистском движении повторил и А. Данилин, несмотря на то, что писал работу после того, как ошибки Мамета были разъяснены рецензентами.

Бесспорно то, что бурханизм был борьбой, протестом, хотя и в почтительной, верноподданнической форме, на коленях, с обнаженными головами, с отцепленными от пояса ножами, но борьбой ойротского крестьянства против колониального угнетения русского капитала. Политическую сущность „бурханизма" уловило классовое чутье русской власти и бурханизм был жестоко подавлен. Здесь существенно еще то, что бурханистское движение дало возможность национальным эксплуататорам алтайцев временно ослабить противоречие между феодальной и буржуазной байской и зайсанской верхушкой и трудящимися алтайцами, отведя его в русло национального антагонизма, так как классовая сущность царской колониальной политики подменялась национальной. Поэтому все русские, без различия классовой принадлежности, объявлялись эксплуататорами, притеснителями. Только благодаря затушеванности классовой сущности действительности алтайскому байству удалось в то время повести за собой трудящихся ойротов.

Русское правительство подавило освободительное движение ойротского крестьянства со всей жестокостью и беспощадностью, но не уничтожило противоречия, породившего это движение.

После подавления бурханистского движения наступает дальнейшее ухудшение положения трудящихся алтайцев. В Алтае стали носиться слухи, что русское правительство намерено провести землеустройство среди алтайцев по закону 1899 г. Алтайцы крестьяне боялись этого, полагая, что за землеустройством последует „св. крещение" и отбывание воинской повинности. Алтайская аристократия, несколько воспрянувшая духом после неудачи „белого царя" в войне с Японией и в связи с революцией 1905 года и последовавшего в этом году царского манифеста от 17 октября, снова забеспокоилась, заволновалась, зная, что проведение земреформы будет сильным ударом по феодальным элементам Алтая, ударом, от которого ей не оправиться. Землеустройство для них означало перевод их из феодальных владельцев огромных латифундий в капиталистических арендаторов Кабинета. И вот начинается снаряжение депутаций в Петербург для защиты прав „алтайского народа". Миссионеры указывают, что „языческие зайсаны тратят иногда по 20 тыс. руб. из народного капитала на посылку в Петербург разных депутаций и наем адвокатов для поддержания прежних своих прав" (Отчет Алт. духовной миссии за 1909 г.). Эти депутации не спасли положения. Царский кабинет утвердил проект земельного устройства алтайцев по закону 1899 г., смысл которого состоял в окончательном внедрении в Алтай буржуазной земельной собственности, подворно-участкового землевладения. Землеустройство алтайцев по этому закону было ставкой на капиталистический путь развития алтайцев и было направлено к разрушению докапиталистических элементов на Алтае, против общинной, феодальной собственности на землю — этого главного условия

---

⁴⁷ См. у Мамета, стр. 15.

производства у алтайцев. Кабинет развивал капиталистическую политику. Цитированный выше Михайлов писал:

„пользование землями горного Алтая сосредоточивается в конечном счете в руках сравнительно немногочисленной группы зажиточных инородцев и русских" ... ведущих „до нельзя экстенсивные, хищнические формы хозяйства не только земельного, но и промыслового".

Михайлов указывает, что сосредоточение земель в руках небольшой инородческой и русской верхушки

„влечет за собой последствие, которое может показаться даже парадоксальным: с заселением горного Алтая ценность земли здесь не повысилась, а упала. Это потому, что территория его слишком велика и конкуренция в погоне за землей между сильными еще не создалась, слабые же от такой конкуренции силой вещей просто отброшены. Между тем, в горном Алтае, как в местности, слишком удаленной от рынков, ценность земли может быть повышена только мелким производителем сырья, который в условиях данного момента, оказывается задолженным, подавленным и бессильным"⁴⁸.

Михайлов указывал и на то, что

„правильное развитие скотопромышленности стесняется невозможностью для многих предпринимателей получить нужное для скотоводства количество земель. То же самое нужно сказать и о коневодстве, вопрос о развитии которого в горном Алтае начинает принимать характер государственной задачи"⁴⁹ (очевидно, он имеет в виду поставку лошадей для армии). Михайлов жалуется, что „земли горного Алтая используются крайне нерационально, беспорядочно и непродуманно. Леса уничтожаются беспорядочной рубкой и, главным образом, пожарами. Промысловые угодья обесцениваются понижением урожайности орехов и убывлюю зверя", между тем, как „обильный естественными богатствами горный Алтай пригоден к широкому хозяйственному использованию путем организации здесь скотоводческого, лесного и промыслового хозяйств".

Михайлов заканчивает свои соображения следующим практическим предложением:

„Нужно провести землеустройство по закону 1899 г. Этим самым освободится масса свободной земли, пригодной для заселения. Заселение должно производиться главным образом на правах аренды для крестьян обширного района, прилегающего к горам..., экономически сильных и вполне приспособленных к местным особенностям края... Уход их в горы освобождает земли в степном районе и по силе сложившихся условий земли эти переходят к переселенцам из Европейской России."⁵⁰

Вот программа развития капиталистического арендного хозяйства Кабинета. Здесь еще необходимо упомянуть мнение Михайлова, что совсем не нужно передавать освободившийся земельный фонд в Переселенческое управление, а произвести землеустройство и сдачу освободившихся земель в аренду самим Кабинетом. Это предложение Михайлова было также принято, и в 1911—1913 гг. алтайцы подверглись землеустройству, были превращены в капиталистических арендаторов. Одновременно с землеустройством было произведено и коренное переустройство формы управления у алтайцев. Родовая форма правления — зайсанат — оказался теперь ненужным, противоречащим с новыми общественными отношениями, и царское правительство в 1912 году упраздняет зайсанат и старую форму правления и заменяет ее точной копией русского волостного управления. Алтайские дючины реорганизуются в волости с территориальным размежеванием.

Как встретили эту реформу трудящиеся алтайцы? Если судить по сообщениям миссионеров, то — „спокойно, тихо, без конфликтов". По рассказам же очевидцев это вызвало всеобщую панику, глубокое, глухое возмущение. Алтайцы целыми семьями бежали в глубь гор, опасаясь насильственного обращения в христианство, многие перешли границу Монголии. Зайсаны и демичи прятали в камнях и пещерах свои знаки, медали, печати,

⁴⁸ Михайлов. Отчет, стр. 77.

⁴⁹ Ibid., стр. 182.

⁵⁰ Ibid, стр. 224.

кафтаны. Некоторые из зайсанов оказали даже вооруженное сопротивление, таковым оказался зайсан 2-й дючины Белек⁵¹. Побоище 1904 года во время „усмирения“ бурханистов было еще слишком живо в памяти трудящихся алтайцев, чтобы они решились ответить массовым протестом на землеустроительную реформу. Тем не менее, по словам миссионерского же отчета в ряде урочищ (Мендур-Сокон, Обогон, Ябаган, Арнур, Кырлык, Верх. Чарыш) вспыхнули „бунты“, в которых принимало участие до 500 человек алтайцев⁵². „Бунты“ эти были жестоко усмирены и не предавались огласке.

Последующая за землеустройством империалистическая война отразилась тяжело и на трудящихся алтайцах, мужское население было призвано на тыловые работы осенью 1916 года. И только Октябрьская революция освободила трудящихся ойротов от ига двойной эксплуатации и дала все возможности для быстрого и успешного развития хозяйственного, политического и культурного строительства.

Мне остается заключить сказанное.

В основе общественных отношений у алтайцев были феодальные и капиталистические отношения. Последние еще не успели сделаться господствующими, тем не менее алтайское товарное хозяйство имело вполне закономерную тенденцию превратиться в хозяйство капиталистическое. Дикость и патриархальщина, господствовавшие в Алтае, вследствие колониальной политики царской России, благодаря отсутствию развитых путей сообщения и удаленности от крупных рынков, тормозили развитие процесса капитализации, но не являлись для него непреодолимым препятствием. Отсюда вытекает следующий основной вывод. Алтайцы вступили в Октябрьский период истории не только что „вылупившимися“ из родовой общины, как это пытались представить многие исследователи, а с иной, с частнособственнической природой. Представлять рядового единоличника ойрота наподобие члена первобытно-коммунистического общества, политически вредно. Недооценка частнособственнических интересов того же середняка-ойрота может привести в политике колхозного строительства к грубейшим ошибкам. Экономическая база, на которой вырос капитализм в Алтае, не только резко сужена, но и окончательно исчезает. Вместо нее заложен прочный фундамент для социализма у ойротов, миновавших необходимость пройти капиталистический путь развития, что лишней раз подтверждает правильность ленинской теории.

---

⁵¹ Отчет Алт. дух. миссии за 1909 г.

⁵² Отчет Алт. дух. миссии за 1913 г.